

Т.П. Буслакова

Поэма «Анна Снегина» (1925)

Есенину близка пушкинская мысль о необходимости для художника видеть историческую перспективу изображаемого явления, в особенности когда речь идет о повороте «Земли — корабля». Такое событие стало темой «большой вещи» Есенина (письмо Г.А. Бениславской, конец ноября 1924), поэмы, которую он считал лучшей из «всего, что... написал» (письмо П.И. Чагину, 14 дек. 1924), — «Анна Снегина».

В центре сюжета этого большого лиро-эпического произведения — революционные события 1917 года. Они показаны через восприятие героя, воплотившего множество автобиографических черт. С ним связано развитие и эпической, и лирической линий, переплетение которых создает возможность для проблемного и пространственно-временного расширения сюжета.

Тематическое многообразие поэмы

Исторический перелом в поэме предстает фокусом, в котором сходятся немало тематических линий, на первый взгляд, разрозненных, не связанных друг с другом. Это, прежде всего, «крестьянская жисть»: противостояние двух деревень — тех, у кого «Житье... было плохое» и тех, кто «Оброки платили... к сроку», их история, «неуряды», образ жизни, отношения с «властями», надежды на будущее.

Самостоятельной тематической линией является показ русской природы, не только как фона, но и как явления, имеющего конкретный, лирический и философский смысл.

Большой круг тем освещается в связи с рассказом о жизни героя — известного поэта, участника войны, столичного жителя и в то же время «своего, мужицкого», благодаря чему находятся точки пересечения между российской провинцией и «Питером».

Образ героини вводит тему жизни русского дворянства. Речь идет о широком спектре явлений — от уклада провинциальной усадьбы до судьбы послереволюционных эмигрантов. С этим образом связана и тема любви — одна из главных в поэме.

Все эти тематические аспекты сливает воедино исторический вихрь, пронесшийся над Россией, изменивший лицо и города, и деревни, нарушивший социальную и бытовую упорядоченность, ставший испытанием для идеалов и чувств героев.

Сюжет и композиция. Основной конфликт

В поэме пять глав, каждая из которых состоит из нескольких частей или эпизодов. Первая часть представляет собой **экспозицию**. В ней обрисовано место действия — соседние села Радово и Криуши, а также главный герой, от имени которого ведется рассказ. Он после трех лет отсутствия возвращается в родные места, «в плохие минуты» мечтая там «отдохнуть» после войны и событий февральской революции («Свобода взметнулась неистово...», «Тогда... калифствовал//Керенский...»). Решившему «лишь в стихах воевать» герою бросаются в глаза «неуряды» в тихой деревне: об «убийстве», падеже, пожарах рассказывает возница, изменились отношения между людьми — став «гражданами», они теряют «душу», «требуя» друг с друга «без излишка»:

Даю сороковку.
«Мало!»
Даю еще двадцать.
«Нет!»
«Да что ж ты?
Имеешь ли душу?
За что ты с меня гребешь?»...

Этот бытовой эпизод получит продолжение в следующей главе, в экспозиции же в связи с этим подчеркивается нежелание героя вмешиваться в исподволь нарастающие распри в «радовских предместьях». Он «первый в стране дезертир» не только в войне, но и в общественных «неурядах», так как «понял», что будет в них «игрушкой». Он ищет в настоящем «хорошего», «приятного», «чудного», «Как дружья улыбка». В воспоминаниях он тоже возвращается к «милым былям». Даже «состарившийся плетень» «мил», а от благоухания сирени «вспыхивает» взгляд и оживает «далекое» впечатление от «девушки в белой накидке», чей образ «не угас» в нем, волнует до сих пор, погружая в поэтическое настроение.

Во второй главе герой оказывается вовлечен и в основной социальный конфликт, и в любовную коллизию поэмы. **Завязке** сюжетных событий предшествует идиллическая картина пробуждения («Ну что же! Вставай, Сергуша!»; «Привет тебе, жизни денница!»). Но день в родных местах начинается беспокойно. Весенний пейзаж («Дымком отдаёт росяница // На яблонях белых в саду»), навеивает мысли о том,

Как прекрасна
Земля
И на ней человек...

и в то же время с такой очевидностью проявляет противоречие идеала и действительности («И сколько с войной несчастных // Уродов теперь и калек!..»), жизни и смерти («И сколько зарыто в ямах!..»), что вызывает у героя «Жестокую судоргу щек». Он снова заявляет о своем нежелании участвовать в том, что творит «какая-то мразь» на земле:

Нет, нет!
Не пойду навеки!..

Но первыш же разговор с женой «старого мельника», его «друга», к которому он приехал отдохнуть «на год», заставляет вспомнить тревожное настроение, созданное «рассказом возницы». В деревне «сплошные мужицкие войны», «напасти», «гнусь», вызванные «безвластьем» в стране («Прогнали царя...//Так вот...»). Эти распри разрастаются («Таких теперь тысячи стало...»), что приводит «старуху» к горькому заключению:

Пропала Расея, пропала...
Погибла кормилица Русь...

До того, как другое толкование зародившегося конфликта герой получит от самих «мужиков», происходит завязка и любовной истории: мельник рассказывает герою о том, что «дочь... замужняя» «помещицы Снегиной» не только помнит о том, как «он был давно когда-то... влюблен» в нее, но и следит за его жизнью:

Был скромный такой мальчишка,
А нынче...
Поди ж ты...
Вот...
Писатель...
Известная шишка...

Для героя это не возобновление романа с девушкой, «когда-то» сказавшей ему «ласково: «Нет!». «Роман» — это то, что «завесь хорошо» с «красивой солдаткой». В его сердце снова вспыхнула любовь, от которой он пытается заслониться:

Ничто не пробилось мне в душу,
Ничто не смутило меня...

Помимо его воли чувство завладевает им, что выражает образ, развивающийся на протяжении всей поэмы:

Струилися запахи сладко,
И в мыслях был пьяный туман...

В развитии любовной линии важным в дальнейшем оказывается мотив узнавания: герой и героиня, находясь в плену повседневности, привычных представлений о жизни, не сразу в этом «тумане» разглядят друг друга, поймут силу своего чувства.

Постепенно приоткрывается герою и смысл социального разделения «радовцев» и «криушан». Вслушиваясь в «горластый мужицкий галдеж» в Криуше, он понимает, что земляки находятся в центре общественной борьбы, затронувшей всю Россию — от «Питера» до деревни, где

Не слышно собачьего лая,
Здесь нечего, видно, стеречь —
У каждого хата гнилая,
А в хате ухваты да печь...

Видя в герое «беззаботника», воспитанного «кулаком», но веря в его «сердце» («Бахвалишься славой не очень // И сердце свое не продашь»), крестьяне задают ему самые важные для них вопросы — о земле, войне и о том, «Кто такое Ленин?». «Отягченный думой», он может дать им ответ только на последний. Понимая социальную правоту доведенных до отчаяния нищетой и бесправием мужиков, от безвыходности ставших «злодеями» и «воровскими душами», он говорит о главе революционной политической партии: «Он — вы».

В третьей главе начинается динамичное **развитие событий**. Неожиданное и скорое продвижение получает любовная линия: толчком к этому является «туман», однако не в метафорическом, а в конкретном смысле:

Разносчик болотной влаги,
Меня прознобил туман...

«Лихорадка» и беспамятство героя заставляют мельника обратиться за помощью к Снегиным, и то ли наяву, то ли в «проклятом припадке» перед больным мелькает «белое платье». Когда же «на пятые сутки под вечер» ему становится лучше, происходит необычное свидание героев и долгий (до «рассвета») разговор, эмоционально неровный, в котором многое остается скрытым («Хотелось сказать: // «Довольно! // Найдемте другой язык!»). После этого «туман» только «сгущается» («сгущалась, туманилась даль...»), «загадка» отношений остается, но в их «странности» таится «что-то прекрасное».

Воспроизведение разговора героев представляет собой сюжетную остановку, вслед за которой следует резкое обострение социального столкновения. опережая события в стране, вожак «обнищалога народа» в Криуше Прон Оглоблин побуждает героя ехать с ним «к Снегиной... вместе...// просить...»:

Дашь, мол, твои угоды
Без всякого выкупа с нас!..

Но его «прямые» безыскусные слова встречаются старшей Снегиной «как будто без мысли и слуха». Ощущение грядущей «жути», которое слышится в требовании Прона, притуплено личным горем. Известие о гибели на фронте мужа Анны замыкает и для героя «тех дней роковое кольцо». Он оказался не только вовлечен в столкновение крестьян со Снегиными, но и получает «оплеуху» за свое «дезертирство»: героиня бросает ему упрек, обвиняя в предательстве:

«Вы — жалкий и низкий трусишка.
Он умер...
А вы вот здесь...»

В четвертой главе развитие событий достигает **кульминации**. Ей предшествует сюжетная остановка на «все лето»:

Все лето провел я в охоте.
Забыл ее имя и лик.

Обиду мою на болоте
Оплакал рыдальщик- кулик...

Пауза в развитии событий дает возможность присмотреться к летнему и осеннему пейзажу «родины кроткой». В природе, как и в душе героя, «туман припадает ниц», от душевного смятения остается «тоска и сон». Но наступает октябрь 1917 года, и вместе с другими героя втягивает в стремительный водоворот событий. Известие о том, что «в России теперь Советы», побуждает крестьян устроить «сейчас же коммуны //...в своем селе» и захватить снегинский хутор:

В захвате всегда есть скорость: —
Даешь! Разберем потом!
Весь хутор забрали в волость
С хозяйками и со скотом...

Анна снова попадает на мельницу («Мой старый мельник // Хозяек привез к себе...»), и «всю ночь напролет» между героями происходит уже более откровенный, прощальный разговор:

Я помню —
Она говорила:
«Простите... Была не права...
...
Жестокость была мой суд...
Была в том печальная тайна,
Что страстью преступной зовут»...

Приоткрывшаяся «тайна» не может изменить судьбу героев: их «дороги» расходятся (перед героем, по мнению Анны, «такая дорога...» — гл. 3; ее же путь уходит в неизвестность):

Под вечер они уехали.
Куда?
Я не знаю куда...

Рассказ о событиях обрывается из-за вновь овладевшей героем «тоски», от которой он «умчался в Питер», не дожидаясь окончания крестьянских волнений («Не знаю, что сделал Прон») и не имея сил вдуматься в грозный смысл происходящего («Не помню тогдашних событий...»).

Суть и **развязка** основного конфликта, обусловившего трагический конец жизни Прона Оглоблина и любви героев, становится понятна по прошествии «суровых, грозных» лет, в которые события продолжают развиваться. Они затронули всю страну, и рассказчик может лишь передать настроение времени («Эх, удаль! // Цветение в даях!»), наметить основные вехи:

Слыхали дворцовые своды
Солдатскую крепкую «мать».
...
Недаром чумазый сброд
Играл по дворам на роялях
Коровам тамбовский фокстрот.
...
Шли годы
Размашисто, пылко...
Удел хлебороба гас...

Сознавая, что не в силах «всего описать», он предостерегает от ранних опрощенных оценок:

Ну, ладно.
Довольно стонов!
Не нужно насмешек и слов!..

«Про участь» главного действующего лица событий в Криуше ему становится известно только через шесть лет из письма мельника, написанного не по горячим следам, а когда уже «...стал спокой в народе, // И буря пришла в угомон»:

Узнай, что в двадцатом годе
Расстрелян Оглоблин Прон.
...
Однажды отряд Деникина
Нагрянул на криушан.
...
Тогда вот и чикнули Проню...

Трагичность исхода усугубляется торжеством Лабути, брата Прона — «хвальбишки и дьявольского труса», оказавшегося, как и раньше («И вот он, конечно, в Совете...»), «Но все ж тот поехал первый // Описывать снегинский дом» — гл. 4), «первым», самым «важным»:

Лабутя ж в солому залез
И вылез,
Лишь только кони
Казацкие скрылись в лес.
Теперь он по пьяной морде
Еще не устал голосить:
«Мне нужно бы красный орден
За храбрость мою носить»...

Главное в оценке социальной стороны конфликта состоит в том, что народ продолжает жить «как встарь», «не в раю». Гроза, разразившаяся над страной, унесла жизнь Прона, разбила судьбу героини, но не переменяла ни облика родной земли, ни давних чувств героев. Попадая на родину, герой видит те же «часовни, колодцы, // Околицы и плетни». А получив долгожданное письмо («Откуда же больше и ждать!»), он, «уж старик по годам» (по выражению мельника) снова полон «наплывом шестнадцати лет». В письме с «лондонской печатью» он замечает как самое главное признание, открывающее «загадку»:

«Но вы мне по-прежнему милы,
Как родина и как весна».

Финал поэмы не оставляет сомнений в том, что любовная линия в сюжете имеет важнейшее значение, выявляя внутреннее существо личности героев:

Далекие милые были!..
Тот образ во мне не угас.

Мы все в эти годы любили,
Но, значит,
Любили и нас.

Между первой главой, в конце которой возникает мотив «милых былей», и пятой, где, наконец, проясняется истина, прошло шесть «суровых, грозных» лет. В борьбе социальных сил складывалась внешняя жизнь страны и людей, но каждый из них оказался вовлеченным в **конфликт**, более глубокий и сложный, чем общественно-политические столкновения эпохи. Развитие двух сюжетных линий обрисовывает конфликт человека с историей, развязка которого, как и в литературе XIX века, имеет в поэме проблемный характер. Трагизм переломной эпохи зримо выявляет, что противостоять силе внешних обстоятельств личности помогает только верность себе, своим чувствам и идеалам.

Историко-философский и нравственный смысл конфликта выявляет лирический план поэмы. Чувства и размышления героев имеют глубокий авторский подтекст, находят соответствия в лирике Есенина 1920-х годов. Важнейшую роль в понимании лирического содержания поэмы играют отступления.

Многое из того, о чем рассказывает автор в своих отступлениях, имеет непосредственное отношение к сюжетным событиям, ведь он сам является одним из главных героев. Такие отступления, как «Война мне всю душу изъела...» (гл. 1) и «Суровые, грозные годы!..» (гл. 5), помимо этико-философских, включают социально-исторические аспекты, расширяющие спектр изображаемых явлений. Благодаря им, происходящее в Криуше предстает на фоне общероссийских или мировых процессов. Этому впечатлению помогает и характеристика рассказчика как «известного», «знаменитого» «по всей стране» поэта, мнению которого читатель может доверять.

Главной функцией отступлений является прояснение авторской позиции. В первом же из них («Война мне всю душу изъела...») история ассоциируется с социальной рознью, превращающей людей-«братьев» в «игрушку» для тех, кто имеет силу и власть:

За чей-то чужой интерес
Стрелял я в мне близкое тело
И грудью на брата лез...

С неприятием вражды, «войны» связана оценка февральской революции, в которой победа осталась за «Прохвостами и дармоедами»:

Свобода взметнулась неистово.
И в розово-смердном огне
Тогда над страной калифствовал
Керенский на белом коне.
Война «до конца», «до победы».
И ту же сермяжную рать
Прохвосты и дармоеды
Сгоняли на фронт умирать...

Истинная «свобода», в представлении рассказчика,— не «розово-смердный огонь» революции, а освобождение личности от общественных рамок («Купил себе «липу»...»). Такой выбор требует много «отваги», так как делает человека «лишним», обрекает на одиночество и непонимание. Но только «твердо простившись» с социально-политическими иллюзиями, герой может обратиться к поиску вечных, общечеловеческих ориентиров. К ним приводит не размышление, а чувство родства с миром — ощущение себя частицей гармонии жизни (гл. 2):

Привет тебе, жизни денница!
Встаю, одеваюсь, иду.
Дымком отдает росяница
На яблонях белых в саду.
Я думаю:
Как прекрасна
Земля
И на ней человек...

Передают такое ощущение многочисленные пейзажные зарисовки, лирическим смыслом которых становится выявление главных ценностей — «жизни», «земли», единения человеческих душ. В этой связи в событиях послереволюционных лет («Суровые, грозные годы!» — гл. 5) для рассказчика важно подчеркнуть их трагический смысл. Нарушение вековых устоев народной жизни искажает душу крестьянина, превращает «хлебоборов» в «чумазый сброд». Автор, сознавая, что такая «участь» может вызвать разные оценки — от «насмешек» до «стонов», стремится за «словами» разглядеть суть, что обуславливает гуманистический пафос поэмы.

Такие разнородные элементы, как бытовые сценки, монологи, пейзажи, отступления, соединяются в единое целое благодаря как авторскому взгляду на события, так и композиционному мастерству. Хроникальное развитие социальной линии переплетается с любовной историей, в которой импульс движению придает мотив узнавания. Действие, концентрирующееся вокруг двух приездов героя на родину и двух его разговоров с Анной, пронизано сквозными мотивами. Важнейшие из них — воспоминания, возвращающие к прошлому героя, деревни, страны, и дорога к будущему — создают перспективу, переводят реалистическое изображение конкретной ситуации в обобщенный философско-исторический план.

Художественное своеобразие поэмы

Поэма «Анна Снегина» написана дольником с перекрестной рифмовкой. Для выделения ключевых слов в строках используется «лесенка»:

«Откуда? Надолго ли?»
«На год».
«Ну, значит, дружище, гуляй!...»
...
«Я сам-то сейчас уеду
К помещице Снегиной...
Ей
Вчера настрелял я к обеду
Прекраснейших дупелей»...
...
Я думаю:
Как прекрасна
Земля
И на ней человек...
...
«Сергей!
Вы такой нехороший.
Мне жалко,
Обидно мне.....»
...
Под вечер они уехали.
Куда?
Я не знаю куда...

Количество строк в строфе колеблется от четырех до сорока в зависимости от смысла высказывания, сообщающего краткую информацию, создающего впечатление намеренно оборванного рассказа или, напротив, представляющего собой развернутую характеристику героя или событий, диалог, письмо, детально обрисованную сценку.

Широкое использование речевых характеристик привносит в поэму драматические элементы. Помимо автора, монологи произносят возница, мельник, его жена, героиня, Прон Оглоблин. Каждый говорит со свойственными ему интонациями, используя разные лексические пласты. Кроме этого, в поэме воспроизводятся два письма и многочисленные диалоги, даже «Горластый мужицкий галдеж», что создает впечатление многоголосия. Лексический диапазон, используемый в поэме, очень широк: от просторечий («Приятственны», «Озяб, чай?» «И нагло в третьем годе...», «жисть», «старшой комиссар», «Теперь мы всех р-раз — и квас!») до возвышенно-поэтического стиля («Но все же не взял я шпагу...», «Так мил моим вспыхнувшим взглядам...», «Три года // Не зрел я знакомых крыш», «Сгущалась, туманилась даль...», «Забыл ее имя и лик»). Большую часть текста составляет нейтральная литературная лексика. Речевые характеристики индивидуальны, зачастую имеют социальную окраску, но иногда лексические пласты перемешиваются. Образность и меткость выражений характерна не только для авторской речи, но и для высказываний крестьян («Крестьян еще нужно варить», «Совсем прокатились тучи...»).

С другой стороны, в повествовании рассказчика используются народные выражения, воспринимающиеся как материал для новых поэтических образов.

Образная система

Центральными образами поэмы являются герой-рассказчик, Анна Снегина и Прон Оглоблин. Их окружают персонажи, играющие в сюжете вспомогательную роль (мельник, Лабутя), косвенно участвующие в событиях («старуха»-мельничиха, мать Анны, возница), а также внесюжетные (муж Анны, «старшина», «исправник» и исторические лица — Керенский и Ленин).

Особую роль в поэме играют образы русской природы и родной земли: в них раскрывается лирическое содержание, и в то же время реалистически отображается действительность. Действие разворачивается на фоне среднерусского пейзажа. Впервые он обрисован в рассказе возницы:

Богаты мы лесом и водью,
Есть пастбища, есть поля.
И по всему угодию
Рассажены тополя...

В восприятии рассказчика природа изображается в противопоставлении с «грохотом и ревом» войны, которая ему «всю душу изъела». В пейзаже подчеркиваются иные утешающие и возвышающие душу черты: свет («Луна золотую порошею // Осыпала даль деревень», «Ельник // Осыпан свечьми светляков»), гармония запахов и звуков («Сиреневая погода // Сиренью обрызгала тишь...», «Волнующе пахнет жасмином...», «разносится звон синиц», «Ночная июньская хмарь», «Равнинная тихая звень»), «дружья улыбка» («Приятная хладная звень», «Был вечер задумчиво чудный...», «Так мил моим вспыхнувшим взглядам // Состарившийся плетень»). Это пейзаж родной страны, с которой слито мироощущение героя, поэтому в нем может передаваться его психологическое состояние («Обиду мою // На болоте // Оплакал рыдальщик-кулик»). В то же время это картина природы, увиденная глазами художника, в которой реальные черты «бедной», «кроткой» родины опозитизированы («...И лето такое короткое, // Как майская теплая ночь. // Заря холодней и багровей. // Туман припадает ниц»).

Образ природы неразрывно связан с размышлениями о судьбе страны. Боль за нее и за русскую «сермяжную рать», которую неумолимые законы истории отрывают от национальных корней, составляет лирическое содержание поэмы. Образ России, как и в стихотворениях Есенина, многопланов: «кабацкая Русь» и «красный советский флаг», «родина кроткая», «хаты гнилые» и «кормилица Русь». За «землю» готовы «губить себя и других» крестьяне — так высвечивается вневременной смысл общественной борьбы. Эмигранта мысль о ней примиряет с жизнью. Она «мила» сердцам всех, но «поэту» открывается глубинный смысл связи человека с его страной.

Земля гармонична, «прекрасна» и заставляет в каждом искать «что-то прекрасное». Она дает силы для продолжения жизни — «Дороги» в будущее. Образ дороги имеет и конкретный («Дорога довольно хорошая...», «Иду голубою дорожкой...», «И путь нас смешил и злил...», «Под вечер они уехали...»), и иносказательный смысл, являясь метафорой судьбы (Война «до конца», «до победы» — «Нет, нет! // Не пойду навеки!», «Пред вами такая дорога...», «Дорога моя ясна...»).

Место действия поэмы, особенности пейзажа и многие сюжетные события имеют прототипическую основу, так же как образы трех главных героев. Криуша и Радово — названия деревень, находящихся в окрестностях родного есенинского Константинова. Очевидцем событий, происходивших в его селе в 1917 году, Есенин не был, он часто приезжал на родину в следующем, 1918 году. Тогда, по свидетельству его сестры Екатерины, «ходил на все собрания, подолгу беседовал с мужиками». Хорошо знал вожак крестьян Петра Яковлевича Мочалина, рабочего коломенского завода. Как писала

Е.А. Есенина, «личность Мочалина интересовала Сергея. Он знал о нем все. Позднее Мочалин послужил ему в известной мере прототипом для образа Оглоблина...».

«В известной мере» прототипами героини поэмы стали две молодые женщины, бывшие его юношескими увлечениями. Е.А. Есенина упоминает об Анне Сардановской — дочери одной из родственниц местного священника, приезжавшей к нему на лето. Бывая дома, пишет мемуаристка, «Сергей... весь свой досуг проводил у Поповых... часто, бывало, в саду... можно было видеть его с Анютой Сардановской...». Другое юношеское впечатление было связано с Лидией Ивановной Кашиной — дочерью местного помещика И.П. Кулакова. Как вспоминала Е.А. Есенина, «матери нашей очень не нравилось, что Сергей повадился ходить к барыне... Какая она ему пара? Она замужняя, у нее дети... Сергей молчал и каждый вечер ходил в барский дом... Когда маленькие дети Кашиной, мальчик и девочка, приносили Сергею букеты из роз, только качала головой».

Прототипические черты играют важную роль в создании образа героя-рассказчика. Многие сближает его с самим автором: он назван по имени («Голубчик! Да ты ли? // Сергуха!...»), обрисована его внешность («блондин», «с кудрявыми волосами»), род занятий («поэт», «писатель»), происхождение («Ты — свойский, мужицкий, наш...»), упомянуто о его участии в войне и о жизни «в Питере». Однако некоторые детали указывают на то, что при создании образа совмещаются два временных пласта: революционные годы, когда автор был свидетелем событий в родной деревне, и период, в который были написаны «Стихи // Про кабацкую Русь» («Москва кабацкая», 1924). Это позволяет отразить в поэме и непосредственное впечатление современника, и обобщенный взгляд с позиции позднейших семилетних размышлений о судьбе России. Герой оказывается старше автора, и, поскольку действие в поэме доводится до 1923 года, в конце он кажется мельнику «стариком по годам». Внимание к возрасту героя — значимый акцент в любовной линии поэмы. Воспоминание о «девушке в белой накидке» проходит через всю его молодость, высвечивая в истории отношений героев вневременной, идеальный смысл любви.

Основой создания образов трех главных героев становятся черты прототипов, дающие творческий импульс для воплощения как эпического, так и лирического содержания. Дополнительные характеристики, вносит богатый реминисцентный фон поэмы. Переключки с мотивами русской классики заметна в обрисовке персонажей, трактовке отдельных сцен, в стилистике. Начало первой главы вызывает в памяти первые строчки «Евгения Онегина»: действие, как и в романе Пушкина, начинается с приезда героя из столицы в деревню. Как герой «Горя от ума», он не был на родине три года. Аналогия с Чацким проясняет и важность мотива узнавания в любовной линии сюжета, так же, как и у Грибоедова, переплетающейся с социальной. Точки пересечения находятся и в стилистике двух произведений, благодаря наличию в поэме Есенина драматических элементов (социально-бытовые сцены, монологи; диалоги).

В расстановке героев главную роль играет реминисценция из «Капитанской дочки». Так же, как в повести Пушкина, центральный эпический образ скрыт за историей отношений рассказчика и его возлюбленной, имя которой используется в названиях обоих произведений. Прон Оглоблин появляется только в конце второй главы, но этому предшествуют рассказы и слухи о его злодеяниях. Сначала возница рассказывает о «ком-то», кто во время драки криушан с радовцами топором «убил старшину», за что вместе с другими был сослан в Сибирь. Потом «старуха»-мельничиха, возмущаясь, что криушане пробыли там всего три года, называет среди «воровских душ» как наиболее ей ненавистного Прона Оглоблина:

У них там есть Прон Оглоблин,
Булдыжник, драчун, грубиян,
Он вечно на всех озлоблен,
С утра по неделям пьян...

Убийство старшины положило начало «неурядам» в селе, олицетворением которых и становится Прон:

Таких теперь тысячи стало
Творить на свободе гнусь...

Позиция рассказчика по отношению к герою двойственна: она основана на неприязни насилия, «неистовой» свободы, но в то же время сам он «старый знакомый и гость» в Криуше, где его считают «свойским», «самым близким», помня не только о том, что отец «Воспитан... был кулаком», но и о его искреннем и неподкупном сердце:

Бахвалишься славой не очень
И сердце свое не продашь.
Бывал ты к нам зорким и рьяным,
Себя вынимал на испод...

Как и в «Капитанской дочке», личные отношения между рассказчиком и героем создают условия для объективной оценки происходящего. Вместе с Проном рассказчик едет «к Снегиной... // Просить...» отдать крестьянам «угодья», ему Оглоблин рассказывает о своем отношении к «новой власти» и намерении устроить «сейчас же коммуны» в Криуше, на его глазах происходят поворотные события («Весь хутор забрали в волость...»), благодаря его восприятию выстраивается антитеза «истинный герой» — «хвальбишка» Лабутя. Рассказчик видит ситуацию изнутри, осознает причины происходящего, но находится в стороне от социальной борьбы. На первом плане оказывается его внутренняя жизнь:

Под вечер они уехали...
...
Не помню тогдашних событий,
Не знаю, что сделал Прон.
Я быстро умчался в Питер
Развеять тоску и сон.

Шестилетний перерыв между непосредственными впечатлениями от того, «что сделал Прон», и известием о его трагической «участи», созвучной судьбе страны, позволяет рассмотреть социальное явление в историческом плане. Носитель общественного идеала одновременно и созидает историю, и становится ее жертвой, так же, как те, против кого была направлена его деятельность.

Среди врагов Прона в поэме оказывается и героиня, однако социальные черты в ее образе находятся на втором плане. Прототипической основой для его создания является не жизнь двух встреченных автором в юности женщин, а воспоминание о «наплыве шестнадцати лет» — пробуждении души.

Анна Онегина — помещица, от которой зависит «крестьянская жисть» в Криуше. Победа советской власти заставляет ее навсегда расстаться с родиной. Но эти события для нее «печальны и странны», а «красный советский флаг» вызывает в ней разноречивые чувства:

Я часто хожу на пристань
И, то ли на радость, то ль в страх,
Гляжу среди судов все пристальной
На красный советский флаг...

Война отняла у нее мужа, которого она «безумно любила», но, на ее взгляд, это не давало права «оскорбить» героя, избравшего другой путь, — она признается, что «была не права», «жестока», поддавшись своему горю («Жестокость была мой суд...»). Социально-исторические события воспринимаются как внешние обстоятельства, в стороне от которых проходит ее «дорога».

В монологах и письме героини возникает пленительный образ женщины, живущей чувствами, в душе которой есть «загадка», «тайна». Не случайно рассказчик зачастую «не

понимает», «не знает», что происходит между ними («И в мыслях был пьяный туман...», «Но почему-то, не знаю, // Смущенно сказал невпопад...», «Не знаю, зачем я трогал // Перчатки ее и шаль», «По-странному был я полон // Наплывом шестнадцати лет», «Расстались...// С загадкой движений и глаз...», «Под вечер они уехали. // Куда? // Я не знаю куда», «Письмо как письмо. // Беспричинно»).

Облик героини тоже «туманится». Несмотря на множество деталей, он едва намечен: ласковый, «веселый» голос, «привздернутый нос», «стройный лик», «красивый и чувственный рот», «тело... тугое», «почерк... беспечный». И внутренне, и внешне образ Анны Снегиной отделен от социально-бытовой конкретики, в ней воплощается мотив любви, не оставляющей героя на протяжении всей жизни (от «скромного... мальчишки» до «знаменитого» поэта, с «шестнадцати лет» до зрелости). Обобщенность характеристики придает особый драматизм столкновению героини с историей, но в то же время проявляет идею независимости личности от внешних обстоятельств.

Через всю жизнь Анны проходит чувство к тому, кто «был забавно // когда-то... влюблен» в нее. Любовь, оказывающаяся сильнее времени, войны, революции, пронизывает ее образ светом («Тот образ во мне не угас...», «белая накидка», «белое платье», «вспыхнувшие взгляды», «Луна хохотала...», «Заря как пожар на снегу...»), связывает его с мотивами жизни и вечной весны:

«Вы живы?.. Я очень рада...
Я тоже, как вы, жива.
Так часто мне снится ограда,
Калитка и ваши слова.
Теперь я от вас далеко...
В России теперь апрель.
...
Дорога моя ясна...
Но вы мне по-прежнему милы,
Как родина и как весна»...

Глубокое лирическое наполнение образа обусловило его центральное место в поэме, названием которой стало имя героини.